

Лидия Чарская

Проданный талант

Лидия Алексеевна Чарская

Проданный талант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636575

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Как во сне ехал Алексей Ратманин по шумным и суетливым петербургским улицам. И не только сейчас, а все это время переезда от Вольска до Петербурга казалось ему одним сплошным тяжелым кошмаром...

Содержание

I	4
II	9
III	15
IV	19
V	22
VI	26
VII	31
VIII	38
IX	42
X	46
XI	51
XII	56

Лидия Алексеевна Чарская

Проданный талант

I

– Итак, решено: ты едешь?

– Решено окончательно. Еду. Прощай.

Ратманин поднял на товарища свои красивые черные глаза. В них отразилась вся стойкая, непоколебимая натура юноши. Он помолчал немного, потом сказал:

– Ты должен мне дать слово, Студнев, навещать ее часто, часто... и сообщать мне все, что ей надо... Умоляю тебя об этом ради всего дорогого. Она ведь мне не напишет, если будет в чем-либо нуждаться, ты ее не знаешь, да, Студнев, ты не знаешь моей матери или, по крайней мере, мало ее знаешь. Это, это...

– Святая, – произнес белокурый, плотный, некрасивый юноша, Сергей Студнев, представлявший из себя полную противоположность высокому, тонкому, изящному Ратманину.

– Святая и ангел!.. – подтвердил последний и хотел прибавить еще что-то, но стук в дверь и нежный голосок за нею заставили его разом замолчать и насторожиться.

– Вот и я. К вам можно? – произнес голосок, мелодичный

и звонкий, и Анна Викторовна Ратманина появилась на пороге.

Это была худая, бледная, молодая еще женщина, с изурнанным, но необычайно красивым лицом, большими, впадыми, черными глазами. Несмотря на более чем скромный, даже бедный костюм, который она носила, несмотря на поношенное платье, небрежную прическу, показывавшую, что Анна Викторовна мало обращает внимания на свою внешность, – это была в полном смысле слова красавица. При виде ее тщедушной фигурки трудно было сказать, что она мать такого взрослого, семнадцатилетнего юноши, как Алексей Ратманин.

Вообще, ее сын мало походил на нее. Только одни ее глаза, мечтательные, грустные и глубокие, как море, были совершенно такие же, как у ее Алексея.

– Ну, вот и я, – произнесла она, протягивая руки обоим юношам сразу и награждая сына одним из тех взглядов, который может дарить только безумно любящая своего ребенка мать. – До поезда осталось час. Я пришла посидеть в «нашем уголке», Алеша. – она любовно окинула крошечную, обставленную более чем скромно, комнатку сына.

– Вот и отлично! А я вам мешать не буду. Прощай, Алексей! Дай Бог тебе удачи и счастья в столице. До свиданья! Возвращайся скорее с громкою славою и полным карманом денег, – говорил Студнев шутливым тоном.

Товарищи обнялись.

– Помни же! Ты обещал мне позаботиться о маме! – успел шепнуть другу Ратманин.

– Да уж ладно, ладно. Буду помнить. Ты только сам-то не забывай нас – пиши почаще.

И сильно тряхнув руку товарища, Студнев вышел.

– На вокзале увидимся! – успел крикнуть он с порога.

Едва только его плотная, коренастая Фигура исчезла за дверью, как Анна Викторовна нежно и сильно обхватила кудрявую голову Алеша, прижала его к груди и прошептала с внезапно застлавшими глаза слезами:

– Милый мой! Сокровище мое! Мальчик мой единственный! Хорошо ли я делаю, что отпускаю тебя? Алеша мой! Что ты будешь там делать один без меня. Как ты устроишься? Ведь ты привык к моей заботе и ласке! Я с ума схожу, Алеша, когда подумаю о том, как ты будешь одинок в чужом большом городе.

Она хотела добавить еще что-то, но не выдержала и заплакала, опустившись на близ стоявший стул. Ратманин обхватил ее талию руками, положил ей на колени свою красивую, темнокудрую голову и заговорил взволнованным, потрясенным голосом:

– Мама, золото мое... родная мама... не плачь! Эти слезы... они сводят меня с ума, мама! Дорогая моя, пойми. Ведь там, в столице, ждет твоего сына слава, ждет успех... А главное, занявшись серьезно искусством, я надеюсь, что в состоянии буду дать и тебе вздохнуть свободно. Ведь ты слепишь

глаза за этим ужасным вышиваньем гладью. Помнишь, что сказал доктор? При таком труде тебе не хватит твоих глаз на два года... Это ужасно, мама! И я, сильный, здоровый и не бездарный юноша, буду сложа руки сидеть здесь и смотреть, как ты теряешь глаза, чтобы прокормить меня!.. Нет! Нет!.. Когда мне раньше советовали ехать в столицу и говорили, что только там я могу сделать карьеру, – я не хотел ехать, не хотел расстаться с тобою... Но слова доктора окончательно убедили меня, что я должен, что я обязан ехать... Ведь все утверждают, будто у меня действительно талант и что мне остается лишь доучиться, чтобы стать настоящим художником. Не оставаться же мне здесь! В нашем городишке негде учиться художнику, негде сбывать картины... А там, ты пойми, я поступлю в академию... Там, мамочка, я буду учиться, учиться и работать. И я надеюсь, что мне удастся найти работу, которая доставит мне возможность обеспечить и тебя, мама... Ах, мама, я верю в мой талант, и верю в мою счастливую звезду... Столица доставит мне и славу, и деньги. Я в этом убежден... Но, главное, столица даст мне возможность помогать тебе... Я ежемесячно стану высылать тебе мой заработок... Милая ты моя мамочка!

И он с нежностью перецеловал один за другим тоненькие пальчики матери.

Анна Викторовна перестала плакать. Она сидела задумчивая, притихшая и любовалась своим большим, умным, добрым и талантливым мальчиком.

Весь город знает, как он талантлив, ее Алеша; весь город знает, как он всеми силами старается облегчить тяжелую долю матери-груженицы. Но в маленьком Вольске негде развиться таланту юноши, негде найти сбыт работам, за которыми немногие жившие там знатоки признают уже давно выдающиеся достоинства. Давно уже Anne Викторовне говорят, что ее Алеше нужно ехать куда-нибудь в большой город или в столицу, где из ее сына мог бы выйти выдающийся художник, но она и слышать не хотела о том, чтобы расстаться с своим ненаглядным, единственным сынишкой. Но теперь сам Алексей выразил твердое намерение ехать в столицу – и она не будет противиться ему. Пусть едет – раз иначе нельзя. Она не будет горевать больше... Ей нельзя удерживать его, мешать ему... Кто знает? Может быть, столица, этот чуждый, неведомый им обоим, страшный город, даст славу и деньги ее Алексею.

И она быстро осушила последние дрожащие на ее ресницах слезинки и, прижав к себе еще раз голову своего Алеши, прошептала:

– С Богом, мой мальчик... А я здесь буду молиться за тебя...

II

Как во сне ехал Алексей Ратманин по шумным и суетливым петербургским улицам. И не только сейчас, а все это время переезда от Вольска до Петербурга казалось ему одним сплошным тяжелым кошмаром. Прощанье с матерью, с любимым учителем – художником Волиным и другом Сергеем, слезы его мамочки, ее последние напутствия и благословения, долгий, как вечность, путь, приезд и эта совсем чужая ему суতোлка на чужих улицах в чужом городе совершенно закружили и разбили его, ничего подобного не встречавшего в своей глухой провинции. Полуживой от усталости, он таскался уже около часа по городу, стараясь найти себе дешевенькую комнату со столом, но всюду, куда ни подвозил его Ванька, нанятый им у вокзала, куда бы ни заходил Алеша, все не подходило ему. То цены за комнату пугали его, то ему показывали такую темную конуру, где ни в коем случае нельзя было заниматься живописью.

Но вот извозчик, проехав целый ряд разных улиц, остановился в каком-то узком переулке, перед деревянным небольшим и невзрачным домом, у ворот которого на стене висело несколько зеленых билетиков о сдаче комнат.

– Посмотрите, барин, – сказал извозчик, – здесь, кажись, фатерки дешевые... Давеча студента возил, тот тоже здесь комнату снял...

Алексей выскочил из саней и, оставив свой чемоданчик, ящик с красками и кистями, мольберт и весь свой скромный багаж на попечение извозчика, бросился в ворота и в следующую же минуту звонил у дверей первой квартиры.

Заскрипели легкие шаги за дверью.

– Кто там? – послышался женский голос.

«Господи! совсем точно мамин голос», – мелькнуло в голове Алеши, и даже дух захватило у него в груди.

Дверь распахнулась и хорошенькая молодая девушка появилась на пороге.

– Здесь отдается комната? – спросил Ратманин.

– Пожалуйста, здесь, я покажу вам, – и, ласково кивнув белокурой головкой, девушка прошла вперед.

Алексей последовал за нею. Комнатка, в которую она привела его, была небольшая, но очень уютная и вся залитая солнцем.

– Ну-с, как вам нравится эта комната? – спросила девушка.

– Комната очень хорошая, – ответил Ратманин. – Мне бы она вполне подошла, только если цена...

– О, не беспокойтесь! мы недорого возьмем, так как эта комната уже третий месяц стоит пустая, – сказала девушка. – Жаль, дяди нет, но я вам прямо скажу: раньше мы брали за нее пятнадцать рублей в месяц, а теперь отдадим и за десять... Обеды тоже можете у нас иметь. По тридцати копеек за обед не дорого будет для вас? Самовар когда хотите, хоть

четыре самовара в день пейте... И прислуге ничего платить вам не придется, потому что у нас прислуги нет, а убирать комнату буду я, да и готовлю я...

«Какая она славная, а главное на маму голосом похожа», – подумал Ратманин и тут же добавил вслух:

– Мне эта комнатка страшно нравится, рисовать здесь удобно.

– А вы художник? – так и встрепенулась девушка.

– Начинаящий, – скромно отвечал Алеша.

– Вот хорошо-то! – еще более оживилась она и даже запрыгала на месте, как маленькая девочка. – И дядя художник тоже.

– Да ну?

– Да, да! О, он картины на заказ пишет и портреты... И вы тоже будете писать на заказ?

– Надеюсь, и я тоже! – засмеялся Алеша и заявил, что он снимает комнату.

– Когда же вы думаете переехать? – спросила девушка.

– Да сейчас. Ведь у меня все вещи с собою.

– Ну, вот и отлично. Я сейчас пошлю дворника за вашими вещами. Ведь, наверное, вещей у вас не так много, один дворник унесет? – и она так хорошо и добродушно рассмеялась, что и сам Алеша не мог не засмеяться следом за своей новой хозяйкой.

– Да, вы угадали, вещей у меня немного, – произнес он шутивным тоном и потом прибавил: – А вас как зовут? Поз-

вольте узнать.

– Анной Дмитриевной! А вы меня можете называть просто Нюрой, а то что там «Анна Дмитриевна». Смешно.

– Ах, как хорошо, что вы Анна! – произнес Алеша.

– Почему же?

– Да маму мою так зовут. И голос у вас совсем как у мамы, и волосы. Нет, я положительно рад, что к вам попал. Вы мне маму напомнили.

– Вы, верно, маму вашу без ума любите? – поинтересовалась Нюра.

– Еще бы! – отвечал Алеша таким тоном, что сразу расположил к себе девушку. – Ведь у меня, кроме мамы, никого нет на свете... Она меня после смерти отца вынянчила, выходила и человеком сделала. Как же маму не любить! А вы разве матери своей не любите?

– У меня нет матери и отца нет... Я круглая сирота, – грустно ответила Нюра.

– Бедная! – тихо произнес Алеша. – А эта квартира, скажите, принадлежит вашему дяде, да? – спросил он.

Нюра закусил губы и, запинаясь, не сразу сказала:

– Дмитрий Васильевич Марин, хозяин этой квартиры, мне, собственно, не дядя, а какой-то дальний родственник моей покойной мамы, который взял меня из приюта... Я его называю дядей и уже третий год у него живу, хотя...

Она не досказала и спросила:

– Позвольте вас спросить, как вас звать?

– Меня зовут Алексеем... Алексеем Ивановичем. Но я не привык, чтобы меня так называли, да и привыкать не хочется. Мама называла меня всегда Алексеем или Алешей, и я бы хотел, чтобы и вы, Нюра, меня так называли. У вас голос очень похож на голос моей мамы, и когда вы будете меня называть Алексей, это мне будет напоминать мою дорогую маму.

– Хорошо! хорошо! – радостно ответила девушка. – А только я с вами заболталась. Дворник уже давно вещи принес.

И, сказав это, она побежала в прихожую. Оттуда через несколько минут послышался ее звонкий голосок:

– Я вам вещи тащу, Алеша!

И вскоре сама она, покрасневшая от усилия, втащила чемодан и другие вещи нового жильца.

– Ну, теперь устраивайтесь, – произнесла она весело, – вот и пожитки ваши. А я вам кофейку заварю с дороги. Вам что понадобится – крикните. Я тут неподалечку в кухне буду.

И она быстро скрылась за дверью.

Алеша принялся устраиваться.

Но лицо, голос и вся фигура Нюры дали его мыслям новое направление. Он задумался о матери, которую так живо напоминала ему его новая знакомая. Как живая встала перед ним миниатюрная Фигура Анны Викторовны; он вспомнил о ее, начатом еще в Вольске, портрете, быстро вынул его из чемодана, поставил мольберт, растер краски и, накинув на

плечи рабочую блузку, стал дописывать ее портрет.

Он так прилежно работал, что и не заметил, как отворилась дверь и Нюра, осторожно неся стакан кофе и булки, вошла в комнату.

– Вот вам ваш завтрак! – произнесла она. – Батюшки! уж он за делом! – и девушка вскинула глазами на мольберт.

– Господи! Что это за красавица такая! – вырвалось из груди ее восторженное восклицание.

– Эта моя мама! – с заметной гордостью произнес Алексей. – Вам нравится?

– Очень, очень хорошенькая! – восхищалась Нюра, разглядывая красивое лицо Анны Викторовны.

– Что хорошенькая – душа у нее золотая! Видели бы вы, как она глаза над меткою чужого белья слепила, чтобы меня только накормить, одеть и обуть!

И Алеша с жаром стал рассказывать о своей матери. За разговором они не заметили, как пролетело время и как незаметно сдружились, точно были знакомы давным-давно.

Вдруг в передней раздался зычный, грубый голос, от которого задрожали даже стены маленькой квартирki.

– Дядя пришел. Надо его кормить обедом, – произнесла далеко не радостным тоном Нюра и поспешила к себе.

Алексей с новым жаром принялся за работу.

III

– Очень приятно познакомиться, молодой человек, – произнес минут через пять тот же грубый голос, – позвольте представиться: я хозяин настоящей квартиры, Дмитрий Васильевич Марин. – И на пороге показался худой высокий человек, с черной бородой, с далеко не привлекательным лицом.

Алеше он с первого же взгляда не понравился; его маленькие, беспокойно бегающие глазки, его льстиво-угодливая улыбка, небрежный костюм и грубый, хриплый голос, все как-то сразу отталкивало от него.

Марин любопытным взглядом окинул мольберт и громко, с удивлением спросил:

– Чья эта картина?

– Как чья? – не понял Алеша, – это я нарисовал портрет моей матери.

– Вы? Да это не может быть! Этого не мог нарисовать такой юноша, почти мальчик, как вы, – грубо произнес Марин. – Я этому не верю.

Алеша с наивным изумлением посмотрел на Марина.

– Вы в самом деле находите, что этот портрет исполнен хорошо? – спросил он.

Но Марин ничего не ответил. Он жадными глазами рассматривал портрет, то отступая на несколько шагов от моль-

берта, то приближаясь к нему, и повторял:

– Не может быть! Этого не мог нарисовать начинающий юноша! Позвольте мне посмотреть вашу работу у себя в комнате? – спросил он затем, прибавляя: – Там светлее.

– Пожалуйста! – ответил Алеша.

– Буду очень рад вас видеть у себя сейчас же! – произнес Марин и, поспешно схватив портрет, быстро выбежал с ним за дверь.

Алексей наскоро сбросил свою рабочую блузу и последовал за ним. Марин вбежал в большую, светлую комнату, сметнул со стоявшего у окна мольберта какой-то пейзаж и, поставив на его место портрет Анны Викторовны, вскричал в большом волнении, тыча в него пальцем:

– Они живут, эти глаза! Живут положительно. Я, Дмитрий Марин, говорю вам это. Слушайте, молодой друг... У вас талант большой, огромный!.. И если подправить здесь и там... Вот... – и, наскоро захватив с палитры краски, он сделал несколько штрихов кистью справа и слева.

– Вот теперь совсем уже великолепно, – произнес он с уверенностью, хотя Алексей не мог не заметить, что портрет потерял значительно от этих двух-трех мазков Марина, но постеснялся высказать это.

– Позвольте пожать вашу руку, коллега! – произнес, как только умел любезно, новый знакомый. – Я буду всячески гордиться дружбой такого талантливого юноши! Надеюсь, вы не откажете мне в ней? – И он протянул Алеше свою во-

лосатую, грязную руку с черными ободками на краях ногтей.

Ратманин поневоле должен был позвать ее. Марин продолжал осыпать Алешу комплиментами.

Он говорил, что гордится выпавшим на его долю счастьем иметь такого жильца, будущую знаменитость, будущего огромного художника. Незаметно навел он затем разговор на домашнюю жизнь Алеша, на его средства, ловко выпросил юношу обо всем и, узнав от Ратманина, что он приехал искать счастья в столице, обещал ему свое покровительство.

– А что касается вашего намерения записаться в Академию Художеств, чтобы доучиться, – прибавил он, – то я вам не советую этого делать. В академии вы ничему не научитесь. Это я вам говорю положительно. Я ведь сам учился в свое время в академии, но не кончил, бросил, убедившись, что только время напрасно теряю. А все-таки и без академии вышел в художники!.. Впрочем, об этом мы с вами еще поговорим. Я думаю, что вы будете очень довольны моими советами... Да и к чему записаться в академию, когда вы уже теперь настоящий художник, лучше многих тех, кто академию окончил! А если вам нужны будут какие-нибудь указания, я всегда к вашим услугам.

«Хозяин мой вовсе не дурной человек, – подумал Алеша. – Странно, что он показался мне сразу таким несимпатичным».

Возвратившись в свою комнату, Алеша немедленно принялся за письмо к матери. Он подробно, до малейших мело-

чей, описал ей свое путешествие, свою новую комнату, добрую Нюру с голоском, так похожим на голос мамы, и в заключение повторил все те похвалы, которые расточал Марин его таланту.

Потом он помолился Богу, как привык это делать дома, и стал мечтать о матери и о том, какую радость доставит он ей, если сделается «знаменитостью»... Наконец, усталость взяла свое и Алеша уснул, как мертвый, уснул первый раз в чужой постели, под чужим кровом.

IV

А за стеною у хозяев шел в это время разговор о нем. Марин с Нюрой ужинали.

Дмитрий Васильевич то и дело прикладывался к рюмочке и выпрашивал Нюру о новом жильце. Девушка отвечала нехотя и мало. Она всегда чуждалась своего сурового «дяди» и чувствовала себя стесненной в его присутствии. Он обходился с нею грубо и неприветливо, но сейчас, после выпитой водки, язык у Марина развязался и он был ласковее с Нюрою, чем всегда. Он поминутно восторгался Ратманиным.

– Это большой талант! Удивительный! Из мальчишки выйдет прок...

Нюра горячо приняла эти слова к сердцу.

Ей сразу понравился милый, добрый Алеша, так горячо любивший свою мать, и она не могла не радоваться его счастью.

– Как я рада, дядя, что он талантливый, этот Ратманин! – произнесла она, оживляясь, – он такой славный...

– А ты сколько с него за обеды взяла? – неожиданно оборвал племянницу Марин.

– Тридцать копеек, как всегда со всех жильцов брали, – ответила Нюра.

– Ну и дура! – грубо накинулся на Нюру Дмитрий Васи-

льевич. – По полтиннику с него бери... Слышишь! Полтинник за обед, по гривеннику за самовар.

– Да как же, дядя?... Я уж ему сказала прежде... Да и за самовар никогда ничего не брали с тех, с прежних жильцов.

– И опять ты дура! – закричал с раздражением Марин... – С него можно брать... С него надо брать... Понимаешь... Говорят тебе толком, слушайся меня. Раз велено брать полтинник, ты и бери, и стыд в карман спрячь... Я знаю, что говорю...

– Да ведь, дядя, он, этот новый жилец, бедненький, – проговорила было возразить Нюра, – он сам мне говорил, что у него каждый грош рассчитан и что тех денег, которые он привез с собою, ему едва-едва хватит и на месяц. А пока он начнет здесь сам зарабатывать, пройдет, вероятно, немало времени...

– Я это отлично знаю, – говорил Марин, наливая себе еще одну рюмку, хотя у него уже заметно язык заплетался от выпитой водки. – Да, знаю. И чем скорее этот мальчишка проживет привезенные с собою из Вольска гроши, тем мне же лучше будет...

– Почему же вам, дядя? – удивилась Нюра.

– То есть не мне, а ему, дурочка, – спохватился Марин... – ему лучше будет, он скорее за работу примется и...и...и... Словом, это мое дело, и ты не вмешивайся... Я так хочу! Поняла? А теперь пошла спать!.. – закончил он свою речь грубым окриком.

Нюра покорно поднялась с места и, пожелав Марину покойной ночи, поплелась в свою комнату.

Сердце ее почему-то ныло. Точно какая-то беда грозила ее новому другу, который сумел ее привлечь своей добротой и искренностью. А Марии, оставшись один, допил водку и, потирая от удовольствия руки, произнес тихо, но значительно:

– Сама судьба посылает мне этого глупого мальчишку. Дурочок даже не знает, какой огромный у него талантище... Ну-с, это нам на руку, Дмитрий Васильевич. О, и обделаем же мы дельце!.. Прежде всего необходимо затянуть мальчугана, а когда ему придет крайность, тут и предложить свои условия: так мол и так, не хочешь ли выплыть, дружок? И захочет, как Бог свят, захочет! И дело в шляпе... А мы... мы еще прославим себя, Дмитрий Васильевич. О нас еще поговорят!.. Не хотели признавать в тебе художника, Дмитрий, правдой, признают его кривдой. Все враги мои признают... Всех вас проведу и выведу, голубчики мои!.. Только надо осторожно за дело приниматься... Все будет так, как я придумал... Неделька, другая – и заговорят тогда о Марине; о том самом Марине, которого считают теперь бездарностью, которого заставляют писать дешевые картинки для рыночных торговцев... Подождите, я вам всем покажу!..

И продолжая потирать руки, Марин тихо хихикал, предвкушая что-то очень приятное и радостное для себя.

V

Марин исполнил свое слово и буквально не отставал от своего молодого жильца.

Он начал с того, что водил его по городу, показывал ему театры и кофейни, знакомил его с какими-то темными личностями, которых выдавал за своих товарищей-художников, прибавляя при этом, что Ратманину весьма полезно, даже необходимо подобное знакомство. А в те редкие часы, когда Алеша оставался дома, грязные, лохматые друзья Марина являлись в чистенькую комнатку Алеша, курили в ней скверный табак, требовали чай, водку и закуску и льстиво восхваляли талант Ратманина.

Так прошла неделя. За эту неделю Алеша ровно ничего не сделал; постоянные посетители и сам Марин не оставляли его ни на минуту одного и мешали ему работать.

– Не хотим вам давать скучать, молодой человек! – со своей обычной сладенькой улыбкой говорил Марин, – соскучитесь вы, и работа не пойдет впоследствии.

– Мне бы хотелось побывать в академии да познакомиться с профессорами живописи, чтобы они посоветовали мне, поступать ли в академию или иначе устроиться как-нибудь, – говорил Алеша.

– Э-э! академия – вздор! – говорил Марин, – я вас и без академии вытяну, вы мне только доверьтесь, юноша! Вы

только слушайте меня и следуйте моим указаниям... А что касается профессоров, то я сам приглашу их сюда к вам... У меня ведь есть знакомые профессора... Они здесь посмотрят, как вы работаете, и наверное скажут вам то же самое, что и я: вам в академию не надо...

– Но я за все это время ничего не работал, некогда, – смущенно оправдывался Алеша.

– О, это ничего! Придет время – поработаете! – успокаивал его Марин. – Сперва надо хорошенько отдохнуть, да хорошенько посмотреть Петербург, набраться впечатлений, как говорят наши художники, а уж потом приняться запоем за работу... Вы только не беспокойтесь. Я сам, когда придет время, засажу вас за работу.

Но Алеша отлично сознавал, что уже давно пришло время приняться за работу.

Прошла неделя, еще неделя и еще... Скоро будет месяц, как он здесь, а между тем никакого заработка в ближайшем будущем ему не предвиделось. Те скромные сбережения, которые он привез из Вольска, подходили к концу. Они все разошлись на угощения его новых знакомых и на хождения по театрам с Мариным и его друзьями.

А тут еще надо было платить за комнату, за стол, за стирку белья и прочее.

Алеша волновался с каждым днем все больше и больше. Его письма к матери дышали далеко не тем юношеским задором и торжеством юной силы, как то первое письмо, ко-

торое он отправил в день своего приезда в Петербург, после восторженного отзыва Марина о его картине.

А Анна Викторовна, чуткая до всего, что касалось ее Алеши, посылала ему длинные горячие послания, наполненные материнской заботой и лаской без конца.

Как-то раз Алеша, встав очень рано утром, когда еще все спали, взял кисть в руки и набросал крошечную картинку, на которой изобразил Ньюру, подающую ему в первый день его приезда кофе. Картинка попала в руки Марина. Он улыбнулся и сказал:

– Подождите, я снесу эту картинку знакомому торговцу. Интересно, что он скажет.

И в тот же день Марин понес картинку на рынок, старому продавцу, покупавшему обыкновенно аляповатые мариновские виды, ручейки, рощи, зимы и т. п.

– Это откуда у вас такая чудная вещь? – спросил торговец, любуясь картинкою.

– Как откуда? – смело ответил Марин, – это моя работа... Неужто вы думаете, что я могу писать только ручейки да рощи... Вы еще не знаете Марина.

– Вот как! Отлично. Таких картинок приносите побольше, я всегда готов их покупать...

Марин очень довольный вернулся домой, но Алеше сообщил, что с трудом удалось ему пристроить картинку, да и то всего за пять рублей, между тем как на самом деле он получил за нее целых пятьдесят рублей.

Алеше и в голову, конечно, не приходило проверить – правду ли говорил хозяин. Он был рад и пяти рублям, которые Марин, впрочем, оставил у себя «за обеды».

VI

Стояло хмурое зимнее утро.

Алеша только что проснулся. Голова у него ныла, горела.

Накануне он поздно лег спать. Марин и его друзья до утра засиделись у него в комнате. Все они явились к нему «перекусить и покалякать», как выразился Марин.

Алеша был очень смущен этой навязчивостью. У него не было денег на угощение, и он, застенчиво краснея, признался в этом Марину.

– Вот она, молодость-то и неопытность! – расхохотался тот. – За чем же дело-то стало? Вы мне скажите, чем хотите угостить эту ораву, и все будет по щучьему веленью. Нюрка сбегает в лавочку. Я ей дам на все, а потом сочтемся.

Алеша пожал руку Марина и принял его предложение.

Появились, действительно, как по щучьему веленью, и вина и закуски. Лохматые друзья Марина ели и пили за Алешино здоровье и очень сожалели, что их новый товарищ не берет в рот вина.

Только под утро они ушли и оставили Алексея с неприятной усталостью во всем теле, вследствие бессонной ночи, и с адскою болью в голове.

Едва он улегся в кровать, как кто-то постучался у двери.

– Сейчас! Сейчас! – засуетился Алеша и стал быстро одеваться.

– Войдите, пожалуйста! – крикнул он минут через пять, успев одеться и наскоро умыться.

– Это я, Алеша. Вам письмо принесла! – и Нюра, хлопотливая и оживленная, появилась на пороге с большим конвертом в руке.

– Письмо из Вольска! – заключила она торжествующе.

– От Сережи письмо, от Студнева, – разом оживляясь произнес Алеша. – Что-то он пишет мне?

– А вот прочтите и узнаете! – весело рассмеялась Нюрочка. – А узнаете – меня позовите и своей радостью поделитесь. Пока оставляю вас наедине с письмом!

И она быстро исчезла за дверью.

Алексей вскрыл конверт и прочел.

«Друг Алеша,

Не выдавай меня твоей матери, но я не могу молчать больше. С тех пор, как ты уехал, она перебралась в угол к прачке Семеновой, которая на вас стирала, в дешевый сырой угол, а теперь от сырости простудилась и заболела. Уже две недели как она лежит в жесточайшей простуде. Денег у нее нет ни копейки, потому что все свои сбережения она отдала тебе для поездки в Петербург. Я насилу упросил ее взять от меня в долг на доктора и лекарство. Но у меня самого не густо, ты знаешь, а посему, Алексей дружище, поторопись выслать матери хоть немножко денег, чтобы хоть на обеды ей хватило, а то ей приходится есть щи да кашу вместе с Семеновой. Да и доктора хорошего пригласить

не мешает. Хотя опасности особенной еще нет, но кто знает? Ее кашель меня очень смущает. Ей необходимо перебраться в сухое, теплое помещение, а на это опять-таки нужны деньги. Когда я заикнулся о том, что напишу тебе о ее делах, она вся затрепетала, как птичка, и стала умолять меня не делать этого – «пусть, говорит, Алеша работает со спокойной душой, а то заботы обо мне оторвут его от дела». А? что ты на это скажешь, Алексей? Я же скажу одно: твоя мать – ангел. Но ты должен поддержать этого ангела, если не хочешь, чтобы он улетел от тебя, и поэтому поторопись с присылкой денег для Анны Викторовны. Твой друг Сергей».

Алеша, весь бледный и трепещущий, закончил письмо. На лбу его выступили крупные капли пота. Слезы душили горло. Сердце билось до того, что он слышал, улавливал ухом каждый удар его. Наконец, он не выдержал, упал головой на стол и, выронив письмо из рук, горько, неудержимо заплакал. Болезненная тоска по матери, отчаянный страх за ее участь и полное бессилие помочь ей сломили энергию и силы юноши.

– Мама! Мама! – рвалось стонами и воплями из его души, – что я сделал с тобою, мама! Я не должен был поддаваться безделью все это время!.. Надо было приказать себе работать!.. Надо было...

И Алексей зарыдал еще сильнее.

Отчаяние так остро захватило юношу, что он не слышал, как легкими, крадущимися шагами вошел в комнату Марин.

– О чем это вы так печалитесь, Алексей Иванович? – спросил он.

Алеша, обрадованный, что может хоть кому-нибудь рассказать про свое горе, в нескольких словах передал содержание письма матери.

– Зачем плакать! – произнес, выслушав его и кладя ему руку на плечо, вкрадчивым голосом Марин. – Право, плакать не стоит.

– Как не стоит? Это ужасно: моя мама погибнет... умрет, – с дрожью в голосе прошептал Алеша, – и я не могу ничем ей помочь. Ведь я до сих пор, за исключением тех пяти рублей, которые вы мне принесли, не заработал ни гроша...

– Так что же? Успеете еще заработать, а пока я могу вам помочь, вам и ей...

– Вы! – радостно воскликнул Алеша. – О! Дмитрий Васильевич, вы не знаете, как я вам буду обязан... Я готов все, все сделать, что только вы прикажете, только дайте мне возможность послать маме денег...

– И пошлете, если хотите, даже сегодня еще, если только мы столкнемся... Но здесь неудобно разговаривать. Вероятно, сейчас придут наши знакомые, а мне нужно вам кое-что объяснить – помешают. Пойдемте рядом в трактирчик, попьем там чайку, перекусим и покалякаем. Я привык дела всегда обделывать в трактире... Идем, что ли?

– Идем! Идем! – оживляясь, произнес Алеша.

И он с глубокой надеждой вскинул глаза на Марина.

– Не горюйте! Устроим все как следует! А теперь шагом марш! Поворот направо! – весело захихикал Марин, увлекая своего юного жильца в переднюю.

– Нюрка! к обеду нас не жди! – крикнул он, – мы с Алексеем Ивановичем кутим сегодня!

VII

Марин привел Алешу в трактир и занял с ним отдельную комнатку, где обыкновенно мелкие купцы решали свои торговые дела.

– Ты, любезный мой, – обратился к прислуживающему мальчику Марин, – принеси нам водочки графинчик да осетринки на закуску.

– Слушаю, господин! – и маленький слуга кинулся со всех ног исполнять приказание.

Через пять минут на столе перед Алешей и его спутником очутился графин водки и закуска.

– Я не пью водки! – заявил Ратманин, брезгливо косясь на графин.

– Вот и напрасно. В иных случаях это очень полезно, молодой человек. А впрочем, я не неволю... Ступай, мальчуган, и принеси молодому барину чаю, – крикнул он затем.

Слуга немедленно принес целый чайник.

– Поставь и уходи, ты нам больше не нужен, – приказал Марин слуге.

И когда тот, шурша подошвами, исчез за дверью, Марин положил руку на плечо Алеши и произнес:

– Вы должны послать вашей матушке немедленно денег. Да?

– Да, – произнес Алеша упавшим голосом.

– Должны заплатить мне за обеды, комнату и кой-какие долгишки по приему гостей?

– Да! – снова подтвердил глухим голосом юноша.

– А денег у вас ни копейки, не так ли?

– Так, – однозвучно проронил Алексей.

– А хотите, они у вас будут? И не только сейчас будут, а ежемесячно вы будете получать от меня копеечка в копеечку, рубль в рубль тридцать рублей. Кроме того, я не буду брать с вас за стол, квартиру и прочее. Итого выйдет пятьдесят целковых в месяц. Хотите?

– Пятьдесят рублей! – вскричал Алеша, – но ведь это капитал и капитал огромный! Это такие большие деньги, такой заработок, какой мне и во сне не снился.

– Да, деньги немалые, но и труд за них должен быть немалый, – произнес задумчиво Марин. – Слушайте меня внимательно, юноша. Ваша мать может умереть с голода, пока, вы наработаете ей хоть немного денег. И как вы работать-то станете? Ну, талант у вас есть – это правда. Но этого мало. Одним талантом так, сразу, ничего не сделать. Нужна известность. Кто станет покупать картины какого-то никому неизвестного Ратманина? Или кто догадается заказать вам портрет? Конечно, никто. Ведь у нас, в Петербурге, художников целые сотни, и годами они добиваются известности, а многие так и умирают с голода.

– Так что же делать? что же делать? – испуганно спросил Алеша.

– А вот что, – сказал Марин, придвинувшись совсем близко к Алеше, – вступить в компанию со мною. Это единственный исход, Алексей Иванович.

– Я вас не понимаю, Дмитрий Васильевич.

– Вот я вам сейчас объясню. У меня, как-никак, известность больше вашей. Хотя и утверждают, что Марин – плохой художник, хотя и говорят, будто у меня таланта нет совсем, а мои картины годятся будто бы только для трактиров, да для богатых, но ничего не понимающих лавочников, все же Марина знают все торговцы картинами, знают многие заказчики. Мои картины находят всегда покупателей. И если б я побольше писал картин, то я мог бы все продать. Но работать больше того, что я работаю, мне, как вам известно, трудно... Устал я... И мне нужен помощник, т. е. какой-нибудь такой молодой художник, у которого есть и силы и желание поработать, и который согласился бы войти со мною в компанию: он будет работать, писать, по моим, конечно, указаниям, а я буду продавать эти работы под моим именем... Ну, может быть, кое-что исправлю, если нужно, кое-что изменю... Чистый же барыш мы разделим... Так вот, Алексей Иванович, я вам предлагаю сделаться отныне моим компаньоном: я буду вам платить пятьдесят рублей в месяц, но с тем, что картины, которые вы будете писать, вы должны подписывать моим именем и передавать их мне. И вы должны писать только такие картины, какие я вам укажу. Ну, словом, чтоб ваш труд был моим трудом, ваш талант был моим та-

лантом. Но все это между нами, и никто, кроме вас да меня, не должен об этом знать. То, что существует какой-то Ратманин, не должно быть известно ни одной душе. За это при вашем содействии Дмитрий Марин выплывет снова и докажет этим олухам, которые его заклевали десять лет тому назад, не признав его таланта, докажет, что он может писать не только рыночные «ручейки», «зимы», да портреты толстопузых купцов, но что Марин в состоянии создавать и настоящие художественные картины, потому что у вас талант, да, талант, это я вам говорю прямо!

И Марин так сильно ударил кулаком по столу, что вся стоявшая на нем посуда жалобно зазвенела. Его глаза налились кровью, лицо побледнело. Он был страшен в эту минуту.

– Если вы согласитесь на мое предложение, Алексей Иванович, вам ни о чем тогда не придется заботиться, – прибавил, успокоившись немного, Марин. – Вы будете себе спокойно работать и получать каждый месяц пятьдесят рубликов, и вам не придется искать заработка... Я же найду покупателей на все ваши, т. е. на мои работы... И заметьте, – прибавил он, – пятьдесят рублей я вам предлагаю только для начала. А когда дело пойдет – я охотно и больше вам заплачу... за сотнею не постою... Марин ведь честный человек...

Алеша слушал все это молча, в глубокой задумчивости. Слова Марина произвели на него потрясающее впечатление. Он понял, что ему предлагают продать свой талант, продать навсегда. Он понял, что раз он согласится на предложение

Марина, путь к той славе, о которой он мечтал столько лет, славе художника, закроется для него навсегда. И он уже готов был вскрикнуть: «Нет, нет, я не продам вам себя, ни за что не продам!» – но в ту же минуту вспомнил о своей матери, которую он, согласившись на предложение Марина, может спасти от нужды, больше – от смерти. «Не надо славы, – мысленно говорил он себе, – пусть только она, моя дорогая, живет»... И, недолго думая, он протянул руку Марину и твердо сказал:

– Я согласен! располагайте моим талантом, если верите, что он у меня есть!

Марин жадно схватил обеими руками протянутую ему руку юноши, с трудом удерживаясь от крика восторга, готового сорваться с его губ.

– Вот вам первые пятьдесят рублей, – сказал он затем. – Первая получка-с! Благоволите принять. За квартиру и обеда не высчитываю. После сосчитаемся. Вам ведь теперь нужны деньги для матери...

И вынув несколько засаленных десятирублевок из ветхого бумажника, он передал их Алексею.

Тот принял деньги трепещущей рукою и положил в карман. Сердце его то билось, как подстреленная птица, то замирало мучительно и жутко.

– Да, вот еще, – произнес Марин. – Чуть было не забыл. Хотя я вам верю на слово, но все же лучше заключить маленькое условие. Вернее-с! Да оно, кстати, у меня уже напи-

сано и вам надо только его подписать.

При этих словах Марин вынул из того же бумажника большой исписанный лист бумаги. Алеша быстро пробежал бумагу, в которой значилось, что он обязуется впредь работать у Марина, исполнять все работы только по его указаниям, предоставлять подписывать их именем Марина и не продавать ни одной картины под своим именем, о заключенном же условии хранить тайну.

Алеша, прочитав это условие, схватился было за голову, но затем быстро поставил свою подпись и возвратил его Марину.

– Теперь все в порядке! – произнес радостно Марин.

В это самое время кто-то постучал в дверь.

– Ага! вот куда они оба спрятались! – послышался грубый голос, и один из друзей Марина и новых знакомых Алексея вошел в комнату.

– Мне трактирный мальчик сказал, что вы оба здесь. О чем толковали-с? – осведомился он, приподнимая свою засаленную фуражку.

– Тс! Ни слова никому о нашем деле, – успел шепнуть Марин Алеше, принимая при этом самый беспечный и даже веселый вид.

Потом он добавил громко, как ни в чем не бывало:

– Алексей Иванович, вы хотели отнести деньги на почту для вашей матери. Торопитесь, а то будет поздно. А мы здесь потолкуем вот с ним! – и он кивнул головою на вновь при-

бывшего.

Алеша горел нетерпением отослать в Вольск свою первую полочку. К тому же его несказанно тянуло побыть наедине с самим собою. Поэтому он поспешил воспользоваться предложением Марина и бросился вон из трактира.

На лестнице до него донесся голос Марина, обращенный, очевидно, к его знакомому:

– Поздравьте меня с успехом.

VIII

С бледным лицом и пылающими глазами Алексей стоял за мольбертом. Его рука, вооруженная кистью, набрасывала последние мазки. Палитра с красками трепетала в другой руке. Он весь горел от охватившего его художественного увлечения.

Картина была почти закончена. Она изображала бедную комнату. В постели, в жару, лежал больной ребенок. У столика сидела молодая женщина и метила белье. Ее лицо, красивое, но изнуренное и усталое, ее красные от бессонницы глаза, ее согнутая над работой фигура, – все это составляло главный центр картины. И фигура женщины удалась на славу. Она была как живая. Алексей воспроизвел в ней портрет своей матери, а в больном ребенке изобразил себя лет десять назад.

Картина носила название «Ради сына». Сегодня он должен был закончить ее. Он сидит над нею уже около месяца. Это его первый серьезный труд. Тема картины захватила его, потому что он взял ее из своей собственной жизни. И свою мать он изобразил на ней, как живую.

Он лихорадочно набросил несколько мазков и, далеко отшвырнув от себя кисть и палитру, взглянул на работу.

Картина точно жила. Алексей отошел от нее на несколько шагов.

Февральское солнце как раз в эту минуту ударило в комнату и озарило картину. Фигура женщины так и бросалась в глаза, как живая, правдивой точностью. Целая поэма материнской любви и материнских страданий смотрела с этого мастерски исполненного личика.

Алексей весь затрепетал от счастья. Он понял сам, что картина хороша. Он схватил кисть потоньше и снова бросился к мольберту. Рука его сделала движение написать начальные буквы его фамилии, и вдруг кисть выпала из его рук. Он схватился за голову и глухо застонал, вспомнив, что это не его картина, что под нею будет стоять имя того ужасного человека, которому он продал свой талант в тяжелую, мучительную минуту.

О, этот человек!

Вот уже около года, как он находится под его страшной властью. Он написал для него до десятка мелких картин, которые уже дали имя Марину, дали ему и великолепный заработок. О Марине писали, о нем говорили. Каждая из картин, подписанная именем Марина, покупалась немедленно, лишь только появлялась на выставке или в витрине того магазина, куда сбывал их художник.

И те, которые знали Марина по его прежним посредственным работам, удивлялись, как это сразу у него явился такой талант. Но никто не подозревал, что все эти картины писаны вовсе не Мариным, а никому не известным юношею из Вольска...

Только Алеша с каждой картиной чувствовал все больше и больше невыносимую душевную боль и муку.

За этот год никто бы не узнал в нем прежнего свежего юноши. Лицо Ратманина осунулось, как у больного. Глаза ввалились глубоко в орбиты и горели диким, лихорадочным огнем.

Сейчас это лицо, эти глаза казались еще страшнее, еще болезненнее. Мысль вертелась на одном: он должен передать Марину и эту картину! И эту, написанную кровью и сердцем. О!

Алеша схватился за голову и замер на месте. Так он просидел в глубоком отчаянии минуту, другую. Потом быстро поднял кисть и подписал ею на углу картины: Дмитрий Марин.

В эту минуту в дверь проскользнула сутуловатая фигура самого Марина.

Он приблизился к картине, взглянул на нее и невольно вскрикнул от восторга...

Глаза его загорелись торжеством.

– Хорошо, мой юный друг, превосходно! – произнес он, не отрывая глаз от картины. – Так превосходно, что хоть я условился платить вам только пятьдесят рублей – за эту картину я вам еще отдельно прибавлю двадцать пять целковых... О, Дмитрий Марин умеет ценить людей! – добавил он с гордым достоинством.

Если бы год тому назад Алеша услышал это, он был бы

бесконечно счастлив. Лишних двадцать пять рублей! Ведь это для него с матерью крупная сумма!

Но теперь, когда вместе с этой картиной от него как бы отнимали кусок его сердца, он думал иначе. Ведь эта картина – это его творенье, его работа, его талант, его детище! А, между тем, его дарованием бессовестно пользуется другой человек!.. Он, Алеша, не хозяин своего создания... Он...

Алеша мрачно взглянул на Марина и, молча кивнув головою, отвернулся от картины.

IX

– Алеша! Алеша! вы спите! этакой соня! А я вам радость принесла! Слушайте, я сейчас от магазина Ярова... Там ваша картина, а вокруг толпа народа, большущая... И все про картину говорят... Все ею восторгаются... дядю хвалят, говорят – «талант, восходящая звезда, знаменитость!» И это даже художники признают. Поймите! Знатоки! Там их целая толпа собралась... А я-то себе думаю: вот если бы Алеша услышал! А он, негодный, спит, как сурок в своей норке!

И болтая таким образом, Нюра тормошила за плечи Алексея, прикорнувшего в уголку дивана.

Солнце сияло вовсю. Лучи его, мелькая по комнате, заливали ее ярким светом.

Алеша быстро вскочил на ноги и мутными глазами уставился на девушку.

– Ха, ха, ха! – рассмеялась она, – и смешной же вы! Лохматый, заспанный! Причесывайтесь скорее! Побежим к Ярову. Послушаем, что говорят...

– Нет! я не пойду! – ответил Алеша таким упавшим голосом, что все оживление Нюры разом пропало.

Чутким сердцем девушка уловила нотки отчаяния в голосе юноши.

Она мигом очутилась подле него, схватила его за руку и прошептала взволнованно:

– Голубчик, что с вами?

И вдруг, поймав брошенный на нее взгляд Алеши и прочитав в нем страшную муку и безысходную тоску, она разом поняла все.

– Бедный, бедный Алеша! – произнесла она тихо и крепко сжала руку юноши, – жаль мне вас ужасно... Дядя... дядя очень дурно поступил с вами! – и она неожиданно залилась горькими слезами. Ей было стыдно за поступок Марина и бесконечно жаль этого бедного, тихого, талантливое Алешу.

Но что же она могла сделать, бедная молоденькая девочка?

Разве только поплакать и погоревать вместе с ним!

* * *

Через два дня после появления картины в витрине Ярова Марин получил по почте конверт с огромным княжеским гербом.

В конверте лежала записка, в которой князь Увалов – один из очень известных и знатных сановников Петербурга – приглашал художника Марина пожаловать в один из ближайших дней для переговоров относительно заказа.

Марин ликовал. Его известность, очевидно, проникла в самые высокие аристократические сферы.

«Не надо показывать вида, что я очень польщен этим при-

глашением, – решил Марин. – Пусть знает, что я ценю себя...»

И, нарочно небрежно повязав галстук, он поскакал на Сергиевскую улицу, где жил князь.

Спустя полчаса лакей вводил его в кабинет князя. Последний сидел у стола и курил дорогую сигару.

Он слегка кивнул на почтительный поклон Марина и, указав ему на ближайший стул, начал:

– Я видел у Ярова в витрине вашу картину «Ради сына» и пришел от нее в восторг.

Марин поклонился.

– Под впечатлением этой картины, – продолжал князь, – у меня явилось желание заказать вам портрет моей дочери... моей покойной дочери, которой уже около пяти лет нет со мною... У меня осталась лишь фотографическая карточка Лели и по ней вы должны нарисовать портрет или, вернее, картину, изображающую улетающего ангела... Лицо ангела должно быть лицом моей Лели. Но, главное, вы должны точно воспроизвести ее глаза. Я давал писать ее портрет многим художникам, но они не могли справиться с задачей. Глаза не удавались, и картина казалась заурядной... У нее были особенные глаза, у моей Лели! Достаточно вам взглянуть на ее портрет и вы поймете, что я не ошибаюсь.

И князь протянул Марину небольшую фотографическую карточку, изображавшую молодую девушку с действительно божественными, лучистыми глазами.

Марин встал, подошел к окну и с видом знатока стал внимательно рассматривать карточку.

– Да, вы правы! Глаза княжны удивительные! – сказал он, – но я справлюсь с этой задачей! – заключил он, гордо взглянув на князя.

– Постарайтесь!.. Прошу вас уделить этой картине особенное внимание, – продолжал князь. – Что же касается цены, то можете ее назначить сами... Предупреждаю вас, что я охотно готов заплатить пять тысяч и даже больше за картину с изображением моей дочери, если только картина удовлетворит меня.

– Для художника слава дороже денег, – ответил гордо Марин, весь закипая восторгом при одной мысли скорого обладания таким огромным капиталом. – Через недели две, три, я вам привезу готовый эскиз картины... Надеюсь, вы будете довольны! – проговорил он с достоинством и, низко поклонившись князю, вышел из его апартаментов, унося с собой карточку.

«Не нравится мне физиономия этого Марина что-то! – размышлял по его уходе князь, – он скорее похож на какого-нибудь дельца, чем на художника. А впрочем... какое мне дело до его внешности, если он воспроизведет мне дорогое личико моей Лели...»

На глаза князя навернулись слезы.

Он безумно любил свою покойную дочь.

Х

Прошло две недели... Весна медленно, но твердо вступала в свои права!

Мартовское солнце грело во всю... Воробьи чирикали на крыше, а снег таял и таял, постепенно теряя свой прежний белый, нарядный вид и смешиваясь в одну серую массу с петербургскою уличною грязью.

Стояло светлое, радостное утро начала весны.

Князь Увалов только что проснулся... Его лицо носило на себе следы уныния и грусти... Он видел сегодня странный сон. Ему приснилась его мертвая Леля. Она пришла к нему, наклонилась к его постели и, протянув ему белый и нежный цветок лилии, сказала: «Папа, не грусти обо мне, милый! Мне хорошо на небе... Я думаю о тебе, мой дорогой, и молю Бога, чтобы Он послал как можно скорее покой и мир в твою наболевшую душу».

Она тихо коснулась его лба губами, но когда князь захотел обнять ее, девушка отделилась от пола, одной рукой благословляя его, в другой держа нежный цветок лилии и... исчезла как в тумане.

Князь проснулся, но белое видение с нежным цветком и с благословляющей рукою не шло из памяти и стояло перед ним как наяву.

«Надо попросить художника написать ее именно такую:

благословляющей и с лилией в руке. Вероятно, картина еще не окончена и возможно изменить ее сюжет так, как я желаю»... – решил мысленно князь и, позвонив слугу, приказал ему как можно скорее давать одеваться.

Через час кровный рысак Увалова домчал его до серого домика, уютившегося на Выборгской стороне.

Князь позвонил у подъезда.

– Здесь живет художник Марин? – обратился он к отворившей ему дверь Нюре.

– Да... Здесь... Только дяди нету дома... Он вышел куда-то... скоро вернется, – залепетала смущенно девушка при виде важного посетителя.

– Я подожду его, – произнес князь и, сбросив шубу, прошел в комнату.

– Занимайтесь своим делом, а я посижу один, милая барышня! – кивнул он головою все еще не оправившейся от смущения Нюре и мысленно добавил, глядя на нее:

«Моя Леля должна была бы быть теперь как раз в этом возрасте!»

И он снова погрузился в глубокие скорбные думы о дочери.

Минуты бежали, но князь не замечал их. Образ умершей дочери снова выплыл перед ним, лаская его своими лучистыми глазами, благословляя его нежной, маленькой рукой.

Одну минуту он увидел ее так ясно, что невольно подался вперед, протянул руки и весь бледный замер от неожидан-

ности.

Вдруг чуть слышный легкий стон послышался за стеною. Князь насторожился... прислушался... Тишина... Ни звука...

Спустя несколько минут новый стон с поразительной ясностью достиг до его слуха. Увалов бросился к двери, пробежал коридор и толкнул маленькую дверцу, за которой слышался стон. Его глазам представилась странная картина. За мольбертом сидел юноша, бледный, исхудалый, с горящими отчаянием глазами. Правой рукой, вооруженной кистью, он водил по полотну картины, левую крепко прижимал к сердцу и изредка испускал короткий, мучительный стон. Он был так поглощен своей работой, что не слышал, как вошел и остановился за его спиною князь.

Увалов бросил взор на полотно и остановился в оцепенении. На него смотрели оттуда, как живые, глаза его Лели, те самые глаза, которые не удавалось до сих пор изобразить ни одному художнику и которые он, отец, один только знал. А вся фигура изображенного на не оконченной еще картине ангела до того была похожа на умершую дочь князя, что пострадавшему показалось, точно перед ним стоит восставшая из гроба его ненаглядная Леля...

Несколько минут князь молча, пораженный и удивительным сходством и мастерством исполнения, простоял на пороге комнаты.

Когда первый момент восторга прошел, князь с недоуме-

нием посмотрел на худого, бледного юношу, водящего кистью по полотну. Ловкость и умение, с какими юный художник бросал краски на полотно, не допускали сомнения в том, что не кто иной, как именно этот юноша писал всю картину и что именно он, этот юноша, сумел уловить чистое, неземное выражение глаз его Лели и передать его на полотне.

Но почему картину пишет этот юноша, а не Марин, которому он, князь, ее заказал? И почему он стонет как в забывчивости, этот юноша? Почему, наконец, у него такое странное, измученное лицо?

Князь терялся в догадках.

Вдруг Алеша вскочил с места, отбросил кисть... Глаза его мрачно загорелись, губы pokrивились горькой усмешкой.

– Кажется, хорошо! – произнес он глухо, не заметя присутствия князя, – но это опять будет не моя, а чужая картина! Проданный труд! Проданный талант! О, Дмитрий Марин, ты хорошо придумал свою адскую затею.

И он судорожно зарыдал, наклонив голову у мольберта.

В это время сильная рука легла на его плечо.

Алексей быстро вскочил на ноги, испуганный, пораженный.

Перед ним стоял совершенно чужой, незнакомый человек.

– Кто вы? Зачем вы? – залепетал в смятении Алеша. – Сюда нельзя никому входить! Уйдите, ради Бога! Уйдите!

– Нет, я не уйду, мой мальчик, – слышался твердый от-

вет князя, – не уйду ни за что! Я слышал случайно сорвавшиеся у вас слова, слова, подсказанные мукой сердца, о проданном таланте и о чьей-то дьявольской затее. И я понял все! Вы творец этой картины, юноша, этой талантливой работы, а не кто другой! И я благословляю вас за нее, за мою Лелю, которую вам удалось воспроизвести на полотне, как живую!

– Нет... нет... – бессвязно лепетал Алексей, – нет, нет, это не я... не я писал ее... Это хозяин... Марин... Его благодарите!..

И, как подстреленная птица, он тяжело рухнул без чувств к ногам князя.

XI

Князь Увалов сидел в своей гостиной и разговаривал вполголоса с высоким седым господином в темных очках.

– Ему лучше, доктор? Он выживет? – спросил князь.

– Натура молодая, сильная... Надо надеяться... Такой славный, такой красивый юноша! – задумчиво произнес врач.

– И какой талантливый и честный, добавьте! Знаете, о чем он бредит все эти ночи, доктор? Он умоляет никому не открывать его тайны, чтобы не повредить этому бесстыдному эксплуататору Марину. Несчастный юноша! Благословляю судьбу, что мне удалось увести его от этого жестокого человека...

– Воображаю, как поражен был этот Марин, когда, вернувшись, он не нашел ни юноши, ни картины, – сказал, невольно усмехаясь, собеседник князя.

– Вы сейчас увидите его. Я пригласил его сюда для объяснений. Я хочу...

Появление лакея помешало князю договорить.

– Г-н Марин! – доложил слуга.

– Проси! – коротко приказал князь.

Встревоженный и слегка бледный, вошел в комнату Марин.

– Ваше сиятельство... – начал он нетвердо, – я пришел,

чтоб узнать, как здоровье моего помощника, Алексея Ратманина. Вы знаете, князь, что я очень привязан к нему и...

– Молчите, – круто оборвал его князь, – и слушайте, что я вам скажу. Вы обманули того несчастного юношу, который лежит теперь у меня в бреду в жесточайшей горячке... Вы воспользовались его безвыходным положением и заставили его заключить позорное условие... Вы бессовестно эксплуатировали его талант, вы чуть не убили его теми нравственными мучениями, которые ему пришлось испытывать, отдавая вам, вместе со своими картинами, куски своего сердца... Из его горячечного бреда я понял все. Понял, как вы бесчестно воспользовались его талантом в тяжелую для него минуту, словом, узнал всю его мучительную драму... Узнал я также, какой честный и благородный юноша, этот Ратманин: он считал заключенное с вами условие обязательным для себя и не хотел выдать вас. Но теперь ваша тайна разоблачена и я не допущу, чтоб он работал впредь у вас и доставлял вам славу и деньги ценою собственной своей славы... Я решил заняться судьбою Алексея Ратманина и окончательно отнимаю у вас вашего помощника, господин Марин. Но я боюсь, как бы несчастного юношу, когда он поправится, не замучили ложные упреки совести, что он не выполнит ваших условий. Поэтому я решил, г-н Марин, заплатить вам за то, что вы отныне лишитесь помощника, который бы вам писал ваши картины... Я заплачу вам, сколько вам следует, за квартиру и обеды Ратманина, за все время, которое он прожил у

вас. Но я требую, чтобы вы письменно отказались от всяких претензий к Ратманину и считали заключенное с ним условие недействительным. Вы, г-н Марин, – прибавил князь, – и так достаточно нажили за это время на работах Ратманина, которые вы выдавали за свои, и в сущности вас следовало бы отдать под суд за обман. Но я этого не сделаю, не сделаю ради этого доброго, сердечного мальчика... Итак, вы согласны получить ту сумму, которую я вам предлагаю за возвращение Ратманину проданного им таланта?

– Я согласен! – произнес Марин, замирая от страха.

Доктор не мог удержаться и громко расхохотался при виде его разом съежившейся фигуры.

– А теперь давайте условие и получайте деньги...

Марин вынул из кармана подписанное Алешей условие и, передавая его князю, сказал:

– Это, верно, моя Нюра предала меня... Кроме нее, никто не мог знать о нашем соглашении с Ратманиным, а он наверное не выдал меня... Я его знаю. Да, да, это наверное Нюра.

– Вы говорите про вашу племянницу? – переспросил князь. – Нет, не она выдала вас, а выдала странная судьба, странный случай... Ваша племянница только помогла мне раскрыть истину; она не научилась, к счастью, лгать, как вы. Когда бедный юноша упал без чувств, она прибежала на шум и дала мне возможность узнать все то, чего я сразу не мог понять, и окончательно убедила меня, как бесчестно поступили вы с бедным мальчиком.

– Значит все-таки Нюрка! Я завтра же прогоню ее! – вырвалось невольно у Марина.

– О, от этого она не пострадает, – возразил князь, – я предвидел это и позабочусь о ней. А теперь, г-н Марин, берите деньги, и наши разговоры с вами покончены.

Марин взял протянутые ему князем ассигнации, поклонился и вышел из комнаты.

После ухода его, когда князь с доктором остались опять одни, последний спросил:

– Вы окончательно решили, князь, заняться этим юношей?

– Доктор, – произнес Увалов тихим, задушевым голосом, – сама покойница Леля руководит этим делом. Не странно ли все это? Она явилась мне в ту ночь во сне. Этот дивный сон заставил меня отправиться к Марину, где я нашел этого юношу в минуту крайнего отчаяния. Во всем происшедшем я вижу волю моей незабвенной дочери. Юноша безусловно талантлив, но одним талантом трудно выбраться на дорогу славы. Я поддержу его. Я помогу ему, дам средства и силы. Одним словом, я займусь этим юношей, как собственным сыном.

– Благослови вас Бог за это, князь! – произнес растроганный доктор, сильно пожимая руку Увалова.

– Но, Бога ради, доктор, скорее поднимите его на ноги. С первыми теплыми днями я отправлю его в мое подмосковное имение, где мы всегда проводили весну с Лелей... Там он

должен поправиться, отдохнуть и набрать сил...

– Да, но я посоветовал бы вам выписать мать юноши, – заметил доктор. – Больной постоянно в бреду упоминает о ней... Очевидно, любит ее крепко. А ласка матери отогреет его наболевшую душу скорее всяких лекарств.

– Вы правы, доктор; я сделаю все, что надо, – произнес князь. – Кто знает, может быть, моя дорогая Леля будет радоваться на небесах моему поступку, – заключил он тихо, чуть слышно.

XII

– Кажется, она едет, мама!

– Нет, ты ошибаешься, Алеша!

– Да, ты права! Это пастух стадо гонит со стороны станции, а мне показалось – коляска.

Алексей Ратманин, еще бледный и исхудавший после болезни, сидел на балконе дома князя Увалова подле Анны Викторовны, уже успевшей поправиться и загореть за один месяц, проведенный ею с сыном в имении князя.

И матери, и сыну все пережитое казалось тяжелым, но мигомлетным сном. Все темное и дурное осталось далеко позади них.

Впереди сияло огромное, неожиданное, яркое счастье.

Князь исполнил свое слово. Он приютил их обоих в своем имении и обещал поместить Алексея в академию, чтобы тот мог довершить художественное образование.

Портрет Лели, написанный Алексеем, висел над постелью князя и напоминал ему поминутно о его новых обязанностях по отношению к нарисовавшему его молодому художнику.

– Как хороша жизнь, мама! – произнес Алеша, вдыхая в себя полной грудью свежий аромат только что распустившихся лип, – как прекрасна и полна жизнь!.. Теперь только я понял это, когда вновь нашел потерянное счастье.

– А не испытай ты тяжелого горя, Алеша, ты бы не сумел

оценить всей полноты счастья... – произнесла Анна Викторовна, любуясь значительно посвежевшим и поздоровевшим лицом сына.

Он только молча, в знак согласия, кивнул своей кудрявой головой.

Где-то неподалеку звякнул колокольчик.

– Нюра едет! Непременно она – а я уже боялся, что Марин раздумал и решил оставить ее у себя, – произнес Ратманин, пристально вглядываясь в сторону дороги.

Действительно, вскоре показалась коляска, а из нее выглянуло оживленное личико Нюры.

Через минуту она была уже на балконе и крепко пожимала руку Алеша и его матери, с которой успела познакомиться в Петербурге у постели своего большого друга, говорила оживленно и радостно:

– Ах, как хорошо! Так хорошо, что чудо... Этот дивный сад... И дом... точно замок из сказки... Да и все точно сказка... Этот князь точно добрый волшебник, избавитель, и все... и все так странно, так сказочно.

– Сказка... – произнес задумчиво Алеша, – вы это хорошо сказали, Нюра... и пусть эта сказка будет длиться долго... без конца...

– Да... да... пусть длится, пока вы не сделаетесь большим, знаменитым художником и не заважничаете перед всеми нами! – звонко засмеялась девушка.

Какая-то птичка шархнула в кусты, испугавшись гром-

кого, девичьего смеха.

Анна Викторовна любовно заглянула в лицо сына.

Глаза Алексея, широко раскрытые, смотрели вдаль, тихо сияя каким-то особенным светом...

Новые образы толпились в его голове, сердце наполнялось счастьем, огромным, светлым, сияющим...

А тихий сад пел и дышал перед ними чудною песнью и юною жизнью молодой радостной весны...